

О ПЛЮРАЛИЗМЕ

ПЛЮРАЛИЗМ ВООБЩЕ

Понятию «плюрализм» в России не везет. Сам по себе плюрализм означает только признание факта многообразия мира: есть разные народы, веры, культуры, разные философские, религиозные и иные убеждения. Он означает также, что в мире существуют и должны существовать разные мнения по самым разным вопросам, разные подходы к решению одних и тех же проблем. Он предполагает убежденность в том, что свободный обмен мнениями идет на пользу дела. В политических и социальных науках плюрализм означает признание автономии за различными группами внутри общества, будь то религиозные, этнические, профессиональные и т.д. группы. Как правило, наличие таких групп рассматривается как благо, как достояние общества.

Но есть и другой подход, сводящийся к тому, что всякое многообразие есть зло, мешающее обществу, людям достигнуть этого самого блага — ведь оно так очевидно! И есть общества, в традициях которых борьба с многообразием рассматривается как достойное занятие. К великому сожалению, и у нас немало людей предаются этому занятию самозабвенно. Иногда «морально-политическое единство», как у нас именовали это феномен в мимопрошедшие времена, позволяет мобилизовать все силы на одном направлении. И если оно выбрано правильно, то такая мобилизация может дать полезные результаты. Так было во время минувшей великой войны.

Однако в нормальных, не экстремальных ситуациях «морально-политическое единство» чуть ли не гарантированно обеспечивает неверный выбор цели — вроде построения какого-нибудь небывалого еще общества, основанного, например, на классовой, расовой или религиозной чистоте. Если, напротив, представлен широкий спектр взглядов, всегда есть шанс, что какой-то из них верно отражает действительность, верно

угадывает тенденцию развития, верно подсказывает выход из трудных ситуаций. И еще: только в плюралистическом обществе можно критически посмотреть на себя и свои убеждения, сравнить их с другими и трезво оценить. Условия для работы мысли в плюралистическом обществе куда благоприятнее, и только в нем люди приучаются достойно отстаивать свои убеждения — в том числе (и даже в первую очередь) религиозные.

В России это понимают далеко не все. У нас на плюрализм ополчаются многие, считая его верным признаком отклонения от истины, которая, как известно, едина, а потому, дескать, где плюрализм, там и неправота. Вроде логично, а на самом деле с логикой здесь не все в порядке. Верующие люди признают, что полнота истины только у Бога, это не вызывает возражений, но потом мысль у некоторых из них идет так: Он ее доверил Своей церкви, Его истинная церковь — это мы, значит, полнота истины только у нас. Так нечувствительно на месте Бога оказываются люди и начинают вещать от Его имени. Иногда даже слышишь нечто и вовсе лицемерно-фарисейское: «Что ж поделаешь, раз так получилось, что, по воле Божьей, вся истина оказалась у нас, а у вас только ложь и неправота!»

Так говорят люди, вроде бы тоже исповедующие Христа. Как тут не вспомнить Л.Н. Толстого, нашего великого искателя истины (впрочем, так и не нашедшего ее, ибо не признавал он божественности Иисуса Христа), которому, несмотря на его великие заблуждения, дано было увидеть многое, в частности понять, что «церкви как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские» [1]. Убежденность в своей правоте совершенно необходима для любой религии, но право на эту убежденность (но не на саму правоту!) надо признавать и за другими. Если же такого признания нет, то общество превращается в «дом разделенный», который «не устоит», что подтвердила история нашей страны в минувшем веке.

Конечно, плюрализм, понимаемый как множественность мнений, сам по себе вовсе не панацея от бед, однако следует признать, что единообразие гораздо опаснее для истины. Давно замечено: где нет плюрализма, там неправоты куда больше, чем там, где он допускается. И тем не менее плюрализм у нас подвергается постоянным нападкам, причем в них охотно участвуют и очень уважаемые люди. А.И. Солженицын писал: «А множественность истин в общественных науках есть показатель нашего несовершенства, а вовсе не нашего избыточного богатства, — а зачем из этого несовершенства делать «культ плюрализма»?» [2].

Культы и впрямь делать не надо, но вот как операционный, как рабочий принцип плюрализм просто необходим, если мы хотим найти

Божью истину. Сам Солженицын уже на следующей странице пишет: «А истина, а правда во всем мировом течении одна — Божья, и все-то мы, кто и неосознанно, жаждем именно к ней приблизиться, прикоснуться. Многообразие мнений имеет смысл, если прежде всего, сравнением, искать свои ошибки и отказываться от них». Против этого возразить нечего, но можно добавить, что есть ведь у нас и люди и церкви, которые не допускают мысли, что у них могут быть ошибки, и занятые исключительно обличением «всех прочих».

И избавиться от такого подхода невозможно, не признав принцип плюрализма. А это трудно, в России особенно, поскольку уважение к чужому мнению у нас существовало только короткое время в дореволюционный период, да и то в очень узких кругах. Широкого распространения оно так и не получило и как-то уж очень быстро исчезло после революции, да так основательно, что никакой потребности в нем не замечается. Наш видный мыслитель Г.П. Федотов отмечал в эмиграции уже после войны: «Немало советских людей повидали мы за границей — студентов, военных, эмигрантов новой формации. Почти ни у кого мы не замечаем тоски по свободе, радости дышать ею. Большинство даже болезненно ощущает свободу западного мира, как беспорядок, хаос, анархию. Их неприятно удивляет хаос мнений на столбцах прессы — разве истина не одна?» [3].

И еще раз скажем: истина одна, но во всей полноте она только у Бога. Нам же дано то или иное приближение к ней, и только сопоставляя разные мнения, мы можем постичь — и то не окончательно — Божью истину, чему помогает осознание своих ошибок, о чем писал Солженицын. Только вот нет никакого желания не то чтобы искать эти ошибки, но даже признать возможность их совершения. И пока будем пребывать в таком надмении, требовать единообразия и преследовать многообразие, ни о каком возрождении народа и страны и речи быть не может.

Верующие знают, что без помощи Божьей никакое возрождение не удастся: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс 126.1). Однако «строящим» много чего нужно: знание и умение, честность и добросовестность. Верно, свободный обмен мнений сам по себе может ни к чему не привести — особенно в обществе людей, склонных к пустым разглагольствованиям, к «словам ради слов». И любой россиянин знает, что таких у нас предостаточно. Что, однако, не означает, будто затыкание рта есть единственный способ выйти из положения.

Пусть плюрализм сам по себе не обеспечит нам чаемое возрождение, но все же его наличие — условие необходимое, хотя и далеко не достаточное. Плюрализм не означает, как у горьковского Луки, что «все

блохи неплохи», что все в какой-то мере истинно. Проблему плюрализма не следует сводить к проблеме релятивизма, который как раз и утверждает относительность всех наших знаний и представлений и говорит, что ничего абсолютного нет и быть не может. Для верующих это неприемлемо, поскольку сама вера требует и предполагает существование абсолютной истины. Для нас, евангельских христиан-баптистов, она заключена в Слове Божьем, в Библии.

Релятивизм бывает объективным (признающим за любым собранием людей право на «свою истину», которая может не быть таковой для других; он отрицает саму возможность точно установить, откуда мы знаем то, что мы знаем, и насколько достоверно наше знание), религиозный (о нем мы поговорим далее), моральный (отрицающий существование объективных критериев для различения «правильного» и «неправильного», добра и зла — вспомним события 11 сентября 2001 г., где-то вызвавшие отвращение, а где-то — ликование), культурный (что хорошо в одной культуре, может быть плохим в другой).

Еще есть релятивизм исторический, научный, эстетический, но нет нужды останавливаться на этих его разновидностях. Отметим только, что всякий релятивизм считает, что буквально все: моральные ценности, красота, знание, вкус, смысл и т.д. утверждаются не для всех и не навечно, не на все времена, что они релевантны только для кого-то, только в какой-то определенной культуре (причем только в определенную эпоху), только в зависимости от принятой парадигмы мышления (она определяет, что считать фактом, а что нет, какие аргументы признавать убедительными, а какие нет), причем многое тут определяется языком, на котором говорит человек, задающийся вопросами о морали, смысле, красоте, достоверности знания.

Релятивизм отрицает преимущество одной точки зрения над другой, вообще право судить другую точку зрения, причем приверженность своим взглядам и убеждениям (а также и неприятие других) считает проявлением ограниченности и нетерпимости. «Ни о чем нельзя сказать, что это абсолютно неверно» — вот к чему сводится релятивизм в своем крайнем проявлении.

Такой подход завоевывает все больше сторонников в нынешнюю эпоху постмодернизма, который сознательно утверждает отказ от объективной истины — и вообще от всякой объективности, считая, что и ее творит чья-то субъективная воля, причем не Божья воля, а воля человека, чаще всего недобросовестного, а о недобросовестности якобы свидетельствует как раз претензия утвердить какие-то общеобязательные принципы. Другими словами, что-то является плохим или хорошим только потому, что мы так считаем.

Нечего и говорить, что для верующих и это неприемлемо так же, как и обожествление плюрализма, ибо и тут содержится отказ от признания абсолютной истины, каковой для нас является Сам Бог и Его откровение о Себе, т.е. Священное Писание. Но отказ от релятивизма не может и не должен означать запрета на инакомыслие, поскольку, повторю, утверждать единообразие на месте таких вот релятивистских заблуждений грех едва ли не больший. Ибо релятивист все же не претендует на место Бога, а вот «держатели полноты истины» — претендуют.

Но вернемся к плюрализму. Чаще всего он не залезает в богословские и философские дебри, не доказывает правоту или неправоту тех или иных взглядов, а ограничивается признанием многообразия окружающего мира, в чем нет ничего плохого или опасного. На земле существует много государств, много религий, много народов, много культур, много мировоззрений, много философий и т.д. Есть страны, где из этого несомненного факта делают вывод, что за всеми членами этого множества надо признать примерно равное право на существование и как-то научиться жить друг с другом. И есть страны, где в таком многообразии усматривают греховное начало и стараются ввести единообразие, утвердить «истину» — одну для всех. И если понадобится — силой, поскольку Богу истина угодна.

Но это никак не может быть угодно Богу, во всяком случае — христианскому Богу, Иисусу Христу, Который никогда не применял силу для утверждения людей в истине. Не могут ее применять для той же цели и те, кто называет себя Его последователями.

Все же есть достаточно веские основания рассматривать многообразие именно как благо, а не как нечто, подлежащее изживанию. Это особенно применимо к России с ее многообразием во всем: в культуре, в этносах, в политических и идейных предпочтениях. Такое многообразие — источник силы нашей страны, ее достояние, которое надо беречь. С этим трудно спорить, хотя все-таки спорят. И особенно ожесточенные споры идут вокруг проблемы религиозного плюрализма, с которым и в самом деле не все просто. А потому о нем стоит поговорить особо.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Религиозный плюрализм в своем крайнем проявлении утверждает, что нет единой религии, истинной для всех людей и культур, что та или иная религия истинна для того или иного человека или культуры, но никак не для всех. И что та или иная религия — всего лишь частный случай одной общей религии, общей веры в одного и того же Бога, Который

является нам в разных обличьях (на Интернет-языке это звучит так: «Бог один, а провайдеров у Него много). Идут еще дальше и утверждают, что выбор религии определяется прежде всего таким случайным фактором, как место рождения: родился в России — изволь быть православным, родился в Швеции — скорее всего будешь лютеранином, родился в Испании — быть тебе католиком, родился в Саудовской Аравии — будь мусульманином (и попробуй не быть!), родился в Индии — будешь индуистом.

В этом все-таки есть какой-то смысл. Хуже, когда религиозный плюрализм доходит до утверждений, будто любая религия в какой-то степени обеспечивает спасение, другими словами, что все религии истинны. Этот взгляд особенно широко распространен в течениях, близких к *New Age*, к «Новому веку» и к постмодернизму, который вполне сознательно стоит на позициях всеядности, сочетания всего со всем.

По-другому это называется «инклюзивизм» — включение всего во все. Инклюзивизм противопоставляется эксклюзивизму — исключению всего чужого. Религиоведы считают инклюзивизм присущим индийской духовности (именно отсюда он попал в «Новый век», столь много заимствующий из индийских учений), эксклюзивизм — достоянием прежде всего ислама, который стоит на жестком отторжении всего «неисламского». В самом деле, Индию ничем не удивить, там на все скажут: «это есть у нас, вот в такой-то философской школе, только напрасно вы преувеличиваете значение утверждаемой вами истины». Поэтому не все индуисты отвергают Иисуса — некоторые даже включили Его в религиозный обиход, поместив среди сотен своих божеств.

Утверждается, что Он якобы учился у мудрецов Индии до того, как начал проповедовать в Галилее, и в Индию же Он удалился и долго жил там после распятия, от которого спасся чудесным образом. В Индии и сейчас показывают Его гробницу (и не одну), говорят, что существует так называемое «Тибетское евангелие» (Рерих утверждал, что видел его). И много есть еще всяких апокрифических сказаний, которые совершенно неприемлемы для христиан, но которым с удовольствием внимает молодежь из того же «Нового века». При всем том как раз в Индии мы видим проявления крайней религиозной нетерпимости, в том числе — и даже в первую очередь — по отношению к христианам, которых там, случается, просто убивают.

Ислам, напротив, настаивает на своей исключительности. Однако при всем эксклюзивизме ислама как раз в его недрах зародилась вера бахаи, которая учит, что Бог один, хотя известен под разными именами, что все религии отражают единый процесс духовного становления человечества, а само человечество — единый народ, призванный жить в мире и согласии.

Надо сказать, что христиан нынешние искатели «общей для всех истины» обвиняют в нетерпимости и в неуважении к другим верованиям. Особенно нападают на идею о невозможности спасения вне Иисуса Христа, сказавшего о Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин 14.6). В этих словах видят проявление «узости взглядов», претензии христиан на подчинение себе всех, даже богословское обоснование колониализма!

«В какой-то мере истинны все религии» — это очень старая мысль, существовавшая задолго до «Нового века» и постмодернизма, причем не только в Индии. Омар Хайям, мусульманин, писал еще в XI веке:

Есть много вер, и все несхожи...
 Что значит — ересь, грех, ислам?
 Любовь к Тебе я выбрал, Боже.
 Все прочее — ничтожный хлам.

Казалось бы, что лучше? Признание Абсолюта, уважение ко всем верующим иначе, призыв к братству всех людей... И действительно, нет-нет да и всплывает в христианстве склонность к инклюзивизму, к готовности включить в свой вероучительный кругозор чуть ли не все. Встречаются утверждения, будто Христа, хоть Он и основа спасения, для спасения знать не обязательно. Достаточно доверять Богу, верить в Него так, как умеешь и считаешь нужным, различать добро и зло, истину и ложь, красоту и безобразие. Сама способность к такому различению, по мнению иных христианских теологов, уже свидетельствует о том, что благодать коснулась людей, обладающих таким различением. Другие идут еще дальше и утверждают, что Бог по милости Его дает людям то, чего они сами желают. Если они хотят быть с Ним на небесах — они попадают в рай, если они не хотят быть рядом с Богом — они идут в ад. Ну а если они хотят чего-то вроде, например, буддийской нирваны — они и ее получают.

Иногда иноверие, вера не в Христа, рассматривается как промежуточная ступень на пути к Нему, но чаще говорят, что можно довольствоваться и меньшим — «вера по-своему» спасает не хуже, чем вера в Иисуса и в Троицу. Для евангельских христиан это, конечно, неприемлемо. В Бога надо верить и Богу надо служить так, как это изложено в Евангелии, а не по своей прихоти, не по своему усмотрению. Однако как раз мысль о возможности такого служения оказывается чрезвычайно привлекательной для все того же постмодернизма: свою веру, оказывается, каждый сам волен конструировать по своему лекалу, без ссылок на авторитеты вроде Библии. Такой инклюзивизм, пожалуй, хуже, чем любой эксклюзивизм.

Неверно утверждать, будто «правильные действия» и этика есть единственный критерий «истинной веры», тогда как приверженность «правильной доктрине» якобы только разделяет людей и противопоставляет их друг другу. Ибо человек должен иметь какое-то вероуचितное обоснование «правильным действиям», иначе неизбежно приходим ко все тому же релятивизму.

В метафизической своей основе вера неизменна, «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13.8). Однако мы, люди, помещены во времени и подвержены изменениям. Дух Святой продолжает изливаться на нас, а наши представления — под Его влиянием — могут и должны меняться. Они меняются даже у тех людских сообществ, которые отстаивают идею своей неизменности. Но тут надо иметь в виду, что к изменениям зовет и лукавый, так что нужна помощь Божья для обретения способности различать — от кого потребность что-то изменить — с небес или из преисподней. Тут, видимо, опаснее сказать, что ничего менять не надо, ибо это равносильно утверждению, что Дух Святой перестал действовать в мире.

И все же остается вопрос: как быть с теми, кто никогда не слышал имени Христа? На протяжении истории такие составляли большинство, даже в наши дни только около 30% людей считают себя христианами, на самом деле их еще меньше. Богословы напоминают, что Бог «твердыня; совершенны дела Его, и все пути Его праведны; Бог верен, и нет неправды [в Нем]; Он праведен и истинен» (Втор 32.4), и потому со всеми — в том числе и с верующими не так, как мы, — Он поступит по справедливости.

Некоторые богословы добавляют к этому, что хотя Бог явил Себя во всей полноте только в Иисусе Христе, частично Он явил Себя и в Своем творении, в том числе в человеке, которого создал «по образу и подобию», наделив его разумом, способным постигать Бога, и волей, способной подвигать человека к совершению добрых (или недобрых) дел. Не исключено, говорят некоторые теологи, что в какой-то мере Он открыл (скорее — приоткрыл) Себя и в иных религиях, хотя принять это уже труднее.

Этот вопрос занимал еще апостола Павла, который писал: «...Когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим 2.14-15). И еще он же: «Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание? И необрезанный по природе, исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании?» (Рим 2.26-27).

Надо уяснить одно: вопрос о спасении будет решать только Сам Христос, Он Один знает, как поступить с теми, кто жил до Него, — например с праведниками Ветхого Завета (не все они предрекали Его приход, некоторые не знали Его имени, которым одним надлежит спастись), с детьми, умалишенными, высококравственными людьми из других религий и другими категориями лиц, о спасении которых идет столько споров и у нас. Как писал Клайв Льюис, «мы знаем, что никто не может спастись иначе, чем через Христа. Нам не известно, только ли **знающие** Его могут быть спасены через Него» [4]. Мы должны помнить: дела Господа нашего совершенны, совершенным и справедливым будет и Его решение о спасении.

Вопрос спасения не узнавших Христа очень занимал — и сейчас занимает — многие христианские умы. Богословы и религиозные мыслители ожесточенно спорили: спасутся ли такие достойные мужи, как Сократ и Платон, и им очень хотелось, чтобы они спаслись. Юстин Мученик утверждал, что всякий человек, наделенный разумом и живущий по его велению, спасется, даже если он ничего не знает об Иисусе. Тертуллиан, ссылаясь на нисхождние Христа в ад, утверждал, что там Он проповедовал Евангелие и спас некоторых — прежде всего веровавших в Ветхий Завет.

Августин, напротив, утверждал, что для спасения необходимо познать Иисуса, с ним соглашался Фома Аквинский, но Аквинат говорил также, что достойным мужам Господь посылает Евангелие «чудесным образом». Эпоха Великих географических открытий явила миру целые континенты, на которых жили люди, не ведавшие о Христе, и споры о спасении вспыхнули с новой силой. Лютер довольно неопределенно высказывался о возможности спасения не слыжавших о Христе, а вот Кальвин был куда строже и говорил, что знание о Боге вне Христа ничего не стоит. Арминий же, взгляды которого разделяются многими в нашем братстве, утверждал, что всякий, не слыжавший Благой Вести, получит возможность услышать ее путем прямого откровения от Бога.

Вообще же отцы Реформации говорили, что нам предстоит пережить великие удивления, когда в раю мы увидим тех, кого никак не рассчитывали там увидеть, и не увидим тех, кому, как нам казалось, место в раю обеспечено. Основатель методизма Джон Уэсли полагал, что «язычники и магометане» многое получают через «внутренний голос» и никто не вправе обрекать их на вечное проклятие. С началом колонизации началась активная миссионерская деятельность, что касается тех язычников, которые умерли до прихода миссионеров, то многие богословы сошлись во мнении, что им была предоставлена возможность принять или отвергнуть Христа после смерти.

Как видим, взглядов много, с чем-то можно соглашаться, с чем-то — нет. Вообще же тут не повредило бы то, что иногда называют «богословским смирением». У нас слишком много людей слишком многое берут на себя, безапелляционно заявляя: «Этих Господь спасет, а вот этих не спасет». Таковым сказано: «Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис 55.9).

И все же — как относиться к другим религиям? Вплоть до последнего времени христианство объявляло все прочие религии ложными. Теперь, похоже, маятник качнулся в другую сторону, и не так уж мало христиан готовы признать, что какая-то часть истины (и немалая) содержится и в других религиях. Некоторые и вовсе идут «по индийскому пути» и утверждают, что все религии истинны, а ложных просто не бывает.

Бывают. Пусть во многих религиях встречается «золотое правило» («не делай другим того, чего не желаешь себе»), это еще не основание для вывода об их сходстве, даже идентичности. Сущность Бога, назначение человека и его спасение (а это самые главные вопросы) в разных религиях толкуются настолько по-разному, что их никак нельзя признать разновидностями «одного и того же». Сущность Бога в христианстве и буддизме совершенно различна, там и Бога-то нет в строгом смысле этого слова. Индийские религии не знают вины человека перед Богом и все сводят к невежеству, из которого человека выводит просветление, достигаемое определенной техникой.

Что христианству изначально присущ эксклюзивизм — это несомненный факт. Если мы признаем Христа воплощенным Богом, то никого другого мы Им признать не можем. Но это не значит, что все прочие религии напрочь лишены какой бы то ни было ценности. В них может содержаться некоторая доля истины — этого, думается, отрицать нельзя. Скажем, какие-то моральные (а равно научные) истины можно найти и вне христианства. Но одно дело — прикладные, практические положения, и совсем другое — их обоснование, которое для нас вне Христа невозможно.

Мы признаем за каждым человеком (и за каждым сообществом людей) право иметь свои взгляды. Это и есть свобода совести, составляющая один из семи принципов мирового баптизма. Само понятие «свобода совести» было выработано баптизмом, оно вошло в международные документы по правам человека, в конституции многих государств, в том числе нашего. Статья 14 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом». А вот статья 28: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероиспо-

ведания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Звучит замечательно, однако никакие другие положения нашей Конституции не попираются так часто и так беспардонно, как эти два, причем попираются всеми — от самого мелкого чиновника до высших должностных лиц государства. И тем не менее само закрепление их в Основном Законе страны следует считать великим завоеванием.

Мы за свободу совести, за свободу иметь разные религиозные взгляды, но это не означает, что тем самым мы признаем правоту этих взглядов. Веротерпимость не должна выливаться в готовность разделять положения иной веры, уважение к ней не должно простираться до готовности принять ее или до готовности поступиться ради нее какими-то положениями своей веры.

Терпимость хороша и даже необходима на земле, но не годится в области метафизики, в запредельном. В земной жизни она выводится из простейшего правила: «живи и другим давай жить». В политике, в сфере права терпимость к иным религиозным убеждениям совершенно необходима, нельзя исходить из принципа «ты не согласен, значит, я имею право тебя убить», а именно из него исходят религиозные фанатики. За веру нельзя убивать, нельзя преследовать — в этом, и только в этом, состоит религиозная терпимость, приемлемый для нас плюрализм.

Еще должна быть социальная терпимость, которая предполагает распространение на всех людей средств социальной защиты, а равно благотворительной деятельности. Помогать следует не только единоверцам, но всем людям независимо от их религиозных убеждений. Интеллектуальная терпимость предполагает уважение к чужим взглядам — ведь Сам Бог наделил человека свободной волей и разумом. Это, однако, не означает, будто все взгляды надо воспринимать как равно истинные — ошибочные взгляды встречаются не так уж редко. И право высказать свое отрицательное мнение о них отнимать ни у кого не следует.

Мы должны любить тех, кто верит и думает не так, как мы, но это не должно означать отказа от попытки разъяснить им ошибочность их взглядов. Другое дело, что тут нужно много такта и уважения, а с этим товаром у нас плохо. И все же даже при серьезных богословских расхождениях всегда находятся какие-то точки соприкосновения, особенно в сфере морали. Так, когда в ООН поставили вопрос о правах сексуальных меньшинств, некоторые христианские и мусульманские организации договорились о совместном противодействии этим намерениям — и было это уже после 11 сентября 2001 г.

Тем не менее обвинения христиан (особенно евангельских христиан) в нетерпимости и «узости взглядов» встречаются очень часто. И все же подлинный христианин никогда не согласится с тем, что все религии «примерно одинаково правы». Как минимум это равносильно утверждению, что все они и «примерно одинаково неправы». Не могут быть в равной степени правы и неправы монотеисты и политеисты — это совершенно против логики, а ее надо чтить, хотя в вопросах веры не она главное. Индийское сравнение Бога со слонем, которого ошупывают слепые и потому по-разному описывают Его, мало кого удовлетворяет, и меньше всего христиан, получивших откровение от Самого Бога. Объединить всех берутся церковь объединения (муниты) и саентологи, да еще бесчисленные учения из «Нового века».

Подлинное христианство не может принять обвинений в высокомерии и узости взглядов. Оно признает, что все люди независимо от их убеждений (в том числе религиозных) созданы по образу и подобию Божьему, а потому обладают достоинством, которого никто не вправе отнять у них. Верно, на протяжении истории христиане, бывало, часто забывали об этом, но и в этом случае данное положение остается неколебимым, потому что оно основывается на Библии. Попрание чужого достоинства, презрение к другим народам и культурам — грех, который не остается безнаказанным.

Все это не значит, что «Вселенная религиозно нейтральна» и сохраняет некую «религиозную неопределенность». Некоторые богословы утверждают, что иногда она требует религиозного ответа, а иногда исключает такой ответ. Тут многое зависит от культурной среды, которая диктует тот или иной подход. Однако нельзя полагать, будто положения Библии можно воспринимать по-разному в зависимости от того, в какой культуре находится воспринимающий. Тут легко впасть в соблазн преувеличения роли культурных отличий и тем поставить человеческое впереди Божьего: при таком прочтении Евангелия человек и культура не преобразуются под его влиянием, а преобразуют Евангелие под свои надобности.

Если признать, что все религии истинны, то придется признать, что Бог не един, а это прямо противоречит первой заповеди: «...Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх 20.3). А она для христианина всегда должна оставаться первой. Во всяком случае, для евангельского христианина. За это они получают обвинения в нетерпимости, как получал их Лютер, но ведь это он говорил, что язычник такое же создание Бога, как святой Петр или святой Павел.

Терпимость, однако, не распространяется за пределы нашего земного бытия. Рассуждая о делах небесных, мы должны помнить, что наш Бог

ревнив: «...Ты не должен поклоняться богу иному, кроме Господа [Бога], потому что имя Его — ревнитель; Он Бог ревнитель» (Исх 34.14) и не прощает признания других богов, пусть даже частичного. Карл Барт не случайно назвал нашего Бога крайне нетерпимым — таков Он и в Библии.

Религиозное чутье многим подсказывает, что совместная молитва разнo верующих — дело не богоугодное. Если кто-то молится одновременно со мной — в этом ничего плохого нет, но если мы намеренно молимся вместе разным богам, для того чтобы, так сказать, «усилить» действенность молитвы, то это выражение недоверия моему Богу, неверия в Него: Он силен все совершить Сам, «помощь» иных богов Ему не нужна.

Нам, Его верным, тоже. Думается, что религиозный плюрализм (в отличие от политического, культурного, интеллектуального и т.д.) не должен входить в арсенал евангельских христиан-баптистов России — они служат Богу так, как предписано Библией, а она содержит совершенно недвусмысленные указания на этот счет.

ВНУТРИХРИСТИАНСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ

Внутри христианского мира нет единства ни относительно вероучения, ни относительно способов поклонения Иисусу Христу. Возникает вопрос: как обстоят дела с терпимостью и плюрализмом внутри Рах Christiana? Какое-то разномыслие — причем по самым важным вопросам — в нем было всегда, со времен Апостолов, еще Павел и Варнава разошлись во мнениях с членами антиохийской церкви: «Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим» (Деян 15.2).

Сами Апостолы расходились в проявлениях своей веры (вспомним Фому), в требованиях к иудеям и язычникам (вспомним «Иерусалимский собор»), а потому и среди них случались и расхождения во мнениях (вспомним Павла и Петра), причем они высказывали свое мнение друг о друге самым нелицеприятным образом.

Историческое христианство никак не свидетельствует о единстве христиан. Собственно, вся его история есть история непрекращающихся распрей и борьбы, часто принимавшей крайние формы. Нынешнее его положение тоже далеко от идеального: распри продолжаются, кое-где (в частности, у нас в стране) принимают форму гонений против религиозных меньшинств.

Какое-то разнообразие внутри христианства, видимо, неизбежно. А разнообразие предполагает своеобразие каждого христианского вероучения. Свое мы полагаем прежде всего в верности Библии. Однако не пренебрегаем и Символами веры, которые проводят границу между истинным вероучением и ересью (тут на первое место мы ставим Апостольский символ веры). Для обозначения нашего своеобразия важно и то, что называется «исповеданиями»: от «Баптистского вероисповедание 1689 г.» до «Вероучения евангельских христиан-баптистов 1985 г.». Границы, отделяющие нас от других христиан, полагаются также традициями и опытом евангельско-баптистского движения в России. Наконец, пределы полагаются живым «религиозным чувством», присущим каждому баптисту России, нашим ощущением различия между дозволенным и недозволенным, о котором молчат «письменные источники», но которые знают в каждой поместной церкви. Важно помнить, однако, что за исключением Библии все остальные «пограничные столбы» утверждены людьми и потому могут «переноситься».

Тем не менее надо блюсти свою отдельность, не страшась упреков в «узости взглядов» и «нетерпимости». Доводилось слышать: «Какие вы, баптисты, все же нетерпимые! Ну что вам стоит приложиться к иконе, показать уважение к нашей исторической церкви?» Стоит, очень многого стоит. Столь многого, что для нас это просто невозможно. Да, мы довольно замкнуты по меркам нынешних радетелей «единения христиан». У нас и причастие «закрытое», только для своих, о чем пасторы предупреждают на каждом Хлебопреломлении: «Таковых мы просим воздержаться от участия в Хлебопреломлении», и в «таковые» попадают не только не принявшие святого водного крещения по вере (пусть уже и покаявшиеся), не только верующие не так, как мы, не только несовершеннолетние, но и наши же братья и сестры, состоящие на отлучении или на замечании в своей поместной церкви.

Строгости в делах веры нужны, и мы с пониманием относимся к православным, для которых участие в нашем Хлебопреломлении так же немислимо, как для нас — участие в их Евхаристии. Вообще же готовность слишком уж торопливо идти навстречу религиозным требованиям других христианских деноминаций никак не свидетельствует о крепости веры. Речь идет не об экуменизме, экуменизм — это не только идея, не только направление религиозной мысли, но и вполне конкретное движение со своей теорией и историей, со своими деятелями, оно заслуживает отдельного анализа. Речь идет о призывах к изживанию своих вероучительных особенностей, о переходе к «постденоминационному христианству», куда нас зовут многие. На словах звучит вроде убедительно: «Главное — верность Христу, а церковная принадлежность —

дело второстепенное». Да, верность Христу главное, но ее мы определяем не сами, она дается нам словом Божиим. Только Библия указывает, как надо верить, как славить Господа, и тут, на наш баптистский взгляд, многие христианские церкви отходят от слова Божьего.

Нам ценна наша отдельность от других, и мы с пониманием относимся к тем, кто тоже стоит на своей отдельности. В России мало быть «христианином вообще» — надо быть православным, баптистом, католиком, лютеранином или еще кем. Надо четко знать, где вы и с кем вы, иначе, по российским понятиям — и здесь они мне представляются совершенно обоснованными, — никакая это не вера.

К Господу ведут только «пути узкие» и «врата тесные» (Мф 17.13-14), и те, кто призывает расширить их, в лучшем случае не ведают, что говорят. Они не задумываются над словом Божиим, которое предъявляет нам совершенно недвусмысленные требования. Незаборчивость и всеядность негодны Господу во всем, в делах веры они — мерзость перед Ним.

Это не значит, разумеется, что мы считаем всех, верующих во Христа не так, как мы, лишенными всякой надежды на спасение (как, между прочим, считают нас «лишенцами» иные христиане). Это не значит также, что мы должны избегать их. С христианами, признающими Апостольский символ веры, мы можем иметь общение. От общения же с теми, кто, хотя и произносит имя Христа, но или расширяет, или, напротив, сужает Библию (свидетелями Йеговы, мормонами, мунитами и т.п.), мы, полагаю, должны воздерживаться, помня слова апостола: «...Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» (2 Кор 6.14-15).

Но и это — только в сфере религии, в вопросах же, веры не касающихся, нам приходится иметь с ними дело, ибо мы живем в одной стране и принцип свободы совести требует признать за ними те же права, что и за «почтенными» вероучениями, которые у нас принято называть «традиционными». Но в России очень плохо усваивается мысль о том, что верующие иначе, даже верующие, с традиционной точки зрения, заведомо ложно, могут обладать какими-то правами. Тяга к единообразию, о которой говорилось выше, дает о себе знать самым печальным образом — его пытаются насадить, используя государственное принуждение.

Религиозный и даже внутрехристианский плюрализм, в отличие от плюрализма культурного, вовсе не есть достояние, он не обогащает в вопросах веры — разве что мы лучше понимаем преимущества нашего вероучения, познакомившись с другими вероучениями. Многообразие

вер, безусловно, существует с ведома Господа, для каких-то Его нам пока до конца непонятных целей, но едва ли мы должны умножать его.

Слова апостола Павла «Но теперь членов много, а тело одно» (1 Кор 12.20) относятся не к разным христианским церквям, хотя именно это утверждают сторонники «постденоминационного христианства». Эти слова относятся к членам единой Церкви Христовой, полноту которой знает только Он Сам. Это единство видно из перечисления тех, кому передает приветы апостол Павел в конце своего послания к Римлянам, — там много имен, представляющих все слои общества. Но это одна церковь, а не разные церкви, этих людей объединяет «единодушие», о котором говорится в Деяниях Апостолов и которое имеет основой веру во Христа и надежду на спасение. Первохристиане были едины не потому, что сознательно поставили себе целью достичь единства. Они добились его, но это не их заслуга: они были едины потому, что ими двигала любовь ко Христу и верность Его заповедям, за что Христос и дал им единение, оно — дар Божий.

И в наши дни только Христос может дать единение христианам, а никак не человеческие усилия по его насаждению. Единение не следует насаждать ради единения только, и притом любой ценой, «во что бы то ни стало». Церковное единение — не политическое и не идейное, в делах веры важен дух, а не численность сторонников той или иной точки зрения. Призывы к единению, как представляется, звучат ради земного единения, не небесного. Это не значит, что здесь, на земле, мы должны сознательно вносить разделения, но это значит, что мы должны не слишком полагаться на земные средства его установления и оставаться верными Библии. Лозунг «Христиане всех стран, соединяйтесь!» едва ли многим лучше, чем «Пролетарии всех стран...», и совершенно неприемлем для евангельских христиан-баптистов России.

Религиозный плюрализм, с какой стороны ни посмотри, приводит к многобожию, а это самый тяжкий грех.

А вот культурный, политический и интеллектуальный плюрализм и в самом деле является благом, и его можно только приветствовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. М., 1911. Т.14. С.366.
2. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1997. Т.1. С.407.
3. Федотов Г. Россия и свобода // Знамя. 1989. №12. С.211.
4. Льюис К. Просто христианство. Чикаго, 1990. С.71.